

Кропотов В.В., Лесков А.М.

КУРГАН С "КОЛЛЕКТИВНЫМ ПОГРЕБЕНИЕМ" У С. КРИНИЧКИ

(по материалам работ 1957 г.)

Курганы с так называемыми "коллективными погребениями" составляют одну из интереснейших групп погребальных памятников Предгорного Крыма эллинистического и римского времени. Эти объекты представляют собой перекрытые курганной насыпью каменные склепы, обычно сложенные из бутового камня или вертикально поставленных плит известняка и содержащие до ста и более расположенных ярусами захоронений. Открытые в основном еще в конце XIX в. (Тавельские, Талаевский, Курцевский и Сабловский курганы, курганы в быв. имениях Нестерова, Черкеса, Пастака и Крыма и т.д.), они впервые были охарактеризованы и условно названы "коллективными погребениями" Т.Н. Троицкой, которая опубликовала и часть происходящего из них инвентаря [36; 37]. Позднее исследовательницей была подготовлена и специальная статья «Скифские коллективные погребения в курганах Крыма», которая, к сожалению, так и не вышла в свет, но сохранилась в научном архиве Крымского филиала ИА НАНУ и личном архиве А.М. Лескова. В ней впервые были обобщены все известные на то время "коллективные" памятники, которые Т.Н. Троицкая отнесла к III в. до н.э. – I в. н.э. и связала с одной из групп скифского населения, находящегося под сильным таврским влиянием. После этих работ курганы типа Тавельских неоднократно привлекались исследователями для реконструкции этнических процессов в Крыму и связывались то со скифами, то со смешанным тавро-скифским населением [см., например: 38, с.59-63]. Однако, раскопанные на низком методическом уровне, эти комплексы плохо документированы и мало информативны. Любой их анализ затрудняется еще и утерей большей части происходящих из них вещей. Поэтому полное понимание этих своеобразных погребальных сооружений возможно лишь после исследования новых памятников и введения их в широкий научный оборот.

Цель данной статьи – публикация материалов кургана, содержащего "коллективные" захоронения и раскопанного в мае 1957 г. Таврским отрядом Крымской палеолитической экспедиции ИА АН УССР (начальник экспедиции – С.Н. Бибилов, руководитель отряда – А.М. Лесков).

Этот курган, высотой 1,5 м и диаметром 25 м, располагался у подножья северного склона хр. Агармыш в 2 км к западу от с. Кринички Кировского района АР Крым и входил в группу из трех хорошо выделявшихся на местности насыпей. Его центральная часть незадолго до начала работ была разрушена артиллерийским окопом, частично открывшим большое сооружение. При осмотре поврежденной части были обнаружены отдельные человеческие кости и фрагменты лепной и гончарной керамики. На дне и в стенах окопа виднелась кладка из крупных хорошо подогнанных друг к другу каменных плит.

Опасность полного разрушения кургана и предположения о его большом научном значении требовали незамедлительного исследования памятника, однако ограниченные силы не позволяли полностью это сделать. В этой связи было решено доследовать только потревоженную часть насыпи, для чего в центре кургана был разбит прямоугольный в плане раскоп (6,8 x 8,7 м), ориентированный с ССВ на ЮЮЗ вдоль заметной на поверхности каменной кладки. В результате удалось исследовать монументальный каменный склеп и перекрывавшее его впускное погребение (рис.1).

Каменный склеп (рис.2), вытянутый по оси ЗСЗ-ВЮВ, имел подтрапецевидную в плане погребальную камеру и был углублен в материк на 0,5 м (0,65 м ниже уровня погребенной почвы). Его стены сильно пострадали в результате выборки камня и остались непотревоженными только в юго-западном углу, где их высота доходила до 2 м. Судя по сохранившимся частям, камера склепа была сложена из трех рядов массивных, тщательно отесанных и хорошо подогнанных друг к другу известняковых плит-блоков, самые крупные из которых, располагавшиеся в нижнем ряду, достигали размеров 0,85 x 0,4 x 2,25 м. Лучшее всего сохранились южная (рис.3,Б-Б1) и западная (рис.3,В-В1) стены. Их нижний и средний ряды были составлены из двух-трех блоков каждый, от верхнего – сохранилось только по одной плите. Северная (рис.3,А-А1) и восточная (рис.3,Г-Г1) стены склепа представлены хуже, от них в непотревоженном виде остался лишь нижний ряд блоков, составленных аналогичным образом. Кроме того, восточная стена, сложенная из наиболее тонких плит, с внутренней стороны была усилена кладкой из плоских неотесанных камней. Внутренние размеры погребальной камеры: длина вдоль южной стены 2,65 м, длина вдоль северной – 3,05 м, ширина – 2,8 м. Свод склепа не сохранился. Но, судя по фрагментам древесины в заполнении камеры, в основе его перекрытия лежала деревянная конструкция, установить детали которой не представляется возможным. Пол склепа материковый, каких-либо подстилок или подмазок не зафиксировано.

К камере с восточной стороны примыкал дромос, прослеженный только на 3,5 м в длину (его часть, уходящая за пределы раскопа, осталась неисследованной). Сооруженный на уровне древней дневной поверхности из вертикально поставленных необработанных плит известняка, в западной части он был сильно разрушен выборкой камня. Дно дромоса покрывал слой остатков древней тризны толщиной 0,15 м, состоящий из обломков глиняной посуды, смешанных с мелкими костями животных и золистым грунтом. Переход в камеру, отделенный от дромоса своеобразным порогом – положенной плашмя прямоугольной плитой, изнутри был оформлен в виде ступени высотой 0,8 м. Входной проем не сохранился. Напротив него в заполнении камеры обнаружена вертикально стоящая каменная плита, первоначально отождествленная с кладом входа в гробницу. Однако, более вероятно, что она связана с перекрытием склепа и рухнула внутрь во время его обрушения.

Склеп был потревожен по крайней мере дважды. Первое ограбление произошло в древности еще до обвала свода. При этом часть захоронений и некоторые вещи древние грабители вынесли на поверхность и бросили перед входом в камеру. Вторично памятник нарушили уже в новое время. В результате этого

вторжения, в большей степени связанного с добычей камня, сильно пострадали стены и дромос склепа, а его заполнение было перекопано.

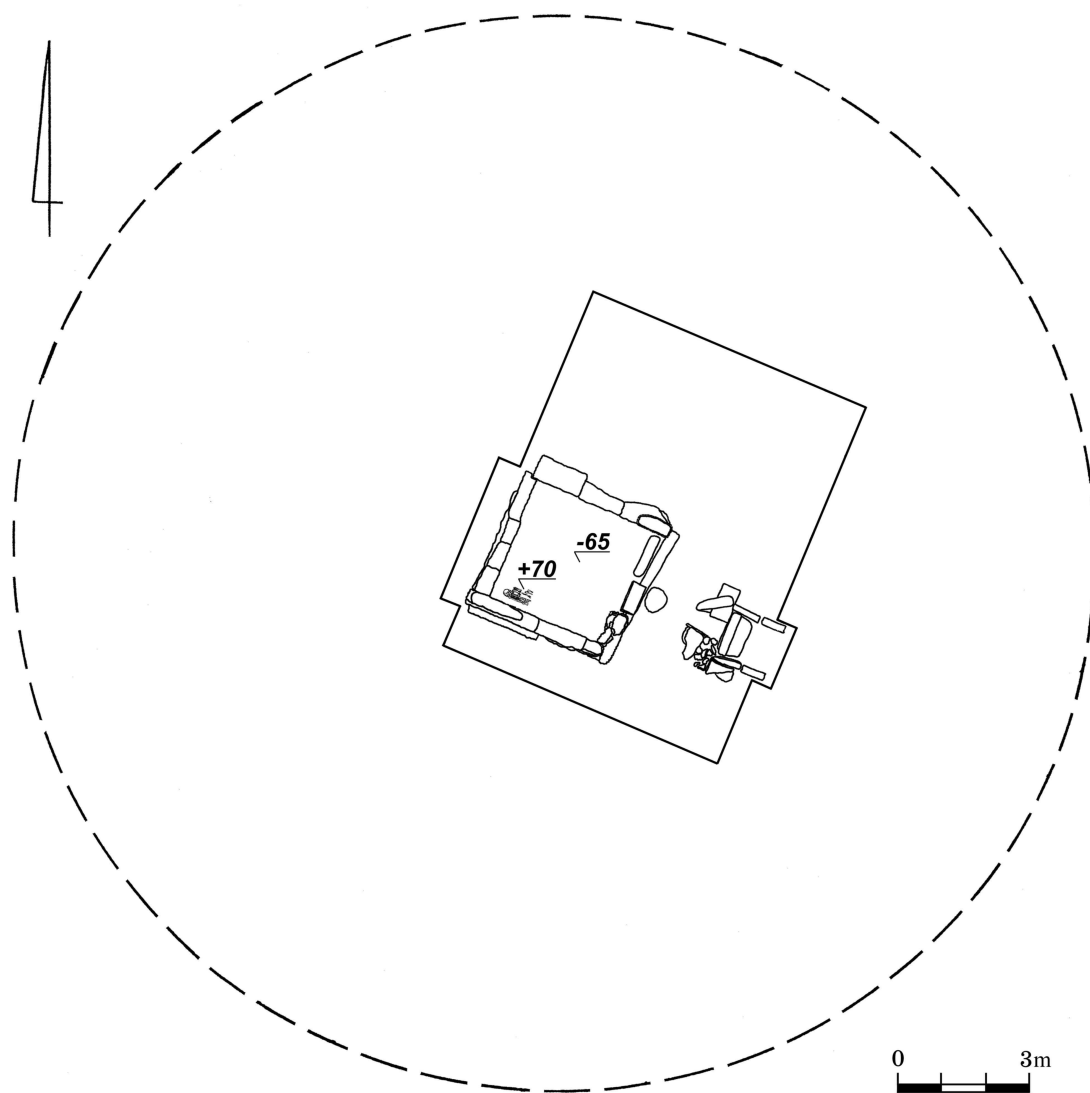

Рис.1

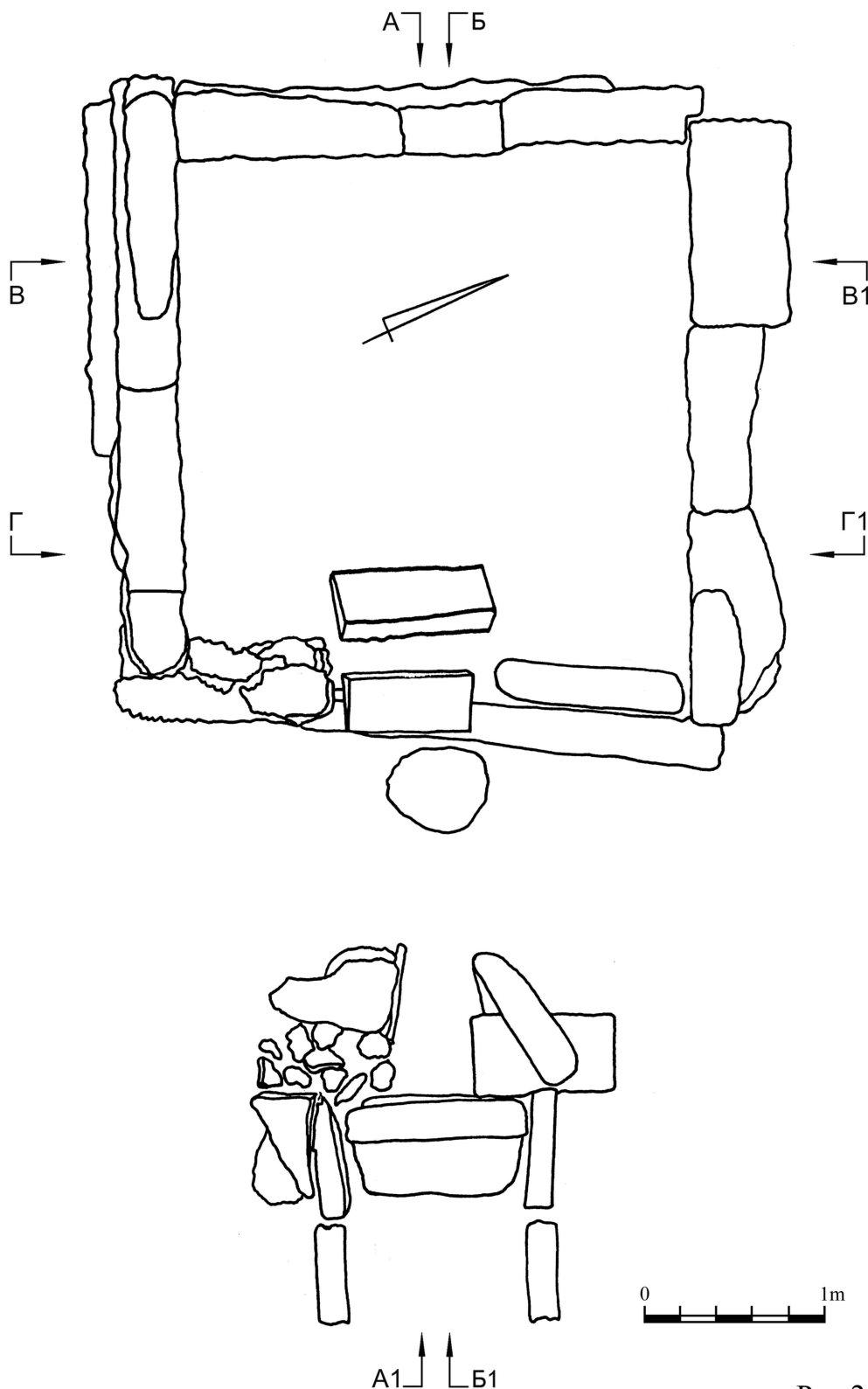
Курган у с. Кринички. Общий план.

К сожалению, столь серьезные разрушения не позволяют реконструировать все детали погребального обряда. К началу раскопок останки погребенных представляли собой сплошной слой разрозненных костей толщиной от 0,36 до 0,54 м, разбросанных по всей камере и дромосу склепа. Судя по найденным среди них черепам, в гробнице было захоронено не менее 106 человек. Здесь же обнаружен и незамеченный грабителями (или незаинтересовавший их) погребальный инвентарь: лепная "шаровидная" курильница, бронзовые фибула, кольцо, бляшка и пряжки-сюльгамы, два железных ножа, поясной крюк, скоба, три глиняных пряслица и набор разнообразных бус. Кроме того, среди костей как в дромосе склепа, так и в его камере, находилась и часть остатков поминальной тризны (в первую очередь фрагменты амфор и "мегарских" чаш, а также гончарных и лепных сосудов), смешанных с костями при ограблении склепа и во время выборки из него камня. Следует также упомянуть находку близ кургана железных удил. Последние, возможно, происходили из перекопанной части насыпи кургана (где была найдена и костяная ворварка) и были выброшены из нее при сооружении артиллерийского окопа.

Из найденных в склепе вещей наиболее интересна лепная серолощенная курильница¹. Она имеет массивное шаровидное тулово, высокое прямое горло и коническую ножку со слабо выраженным кольцевым поддоном. Горизонтально отогнутый наружу венчик снабжен двумя симметрично расположенными отверстиями для подвешивания. Высота сосуда 17,4 см, диаметр венчика 9,4 см, диаметр тулова 13,3 см, диаметр ножки 8,2 см (рис.4,1). Тулово целиком покрыто врезным орнаментом. В верхней части размещен горизонтальный пояс из двух параллельных линий и одной зигзагообразной между ними. Остальная поверхность

¹ Курильница ранее уже публиковалась Э.В. Яковенко [41, с.90, р.4,1].

поделена на пять зон вертикальными поясами, каждый из которых образован дугообразными линиями, сгруппированными в двух случаях по две, в трех – по три. В середине одного из поясов размещен ряд углубленных точек, в другом – три точки, накрытые перевернутыми "галочками", в третьем – те же точки перемежаются двумя "галочками" – одной повернутой вправо и одной обычной. Каждая из выделенных зон также орнаментирована. В трех из них изображена спиральная линия с опущенным вниз концом и точкой в центре. В двух других – две concentric окружности с точкой в середине. В одной из зон под окружностями расположено сложное изображение в виде U-образно изогнутой линии с отогнутыми наружу концами, охватывающей вертикальный ряд разделенных перевернутыми "галочками" точек. В другой – узор под окружностями не сохранился. Все орнаментальное поле в нижней части подчеркнуто врезной горизонтальной линией (рис.4,1а).

Курган у с. Кринички. План склепа.

Рис.2

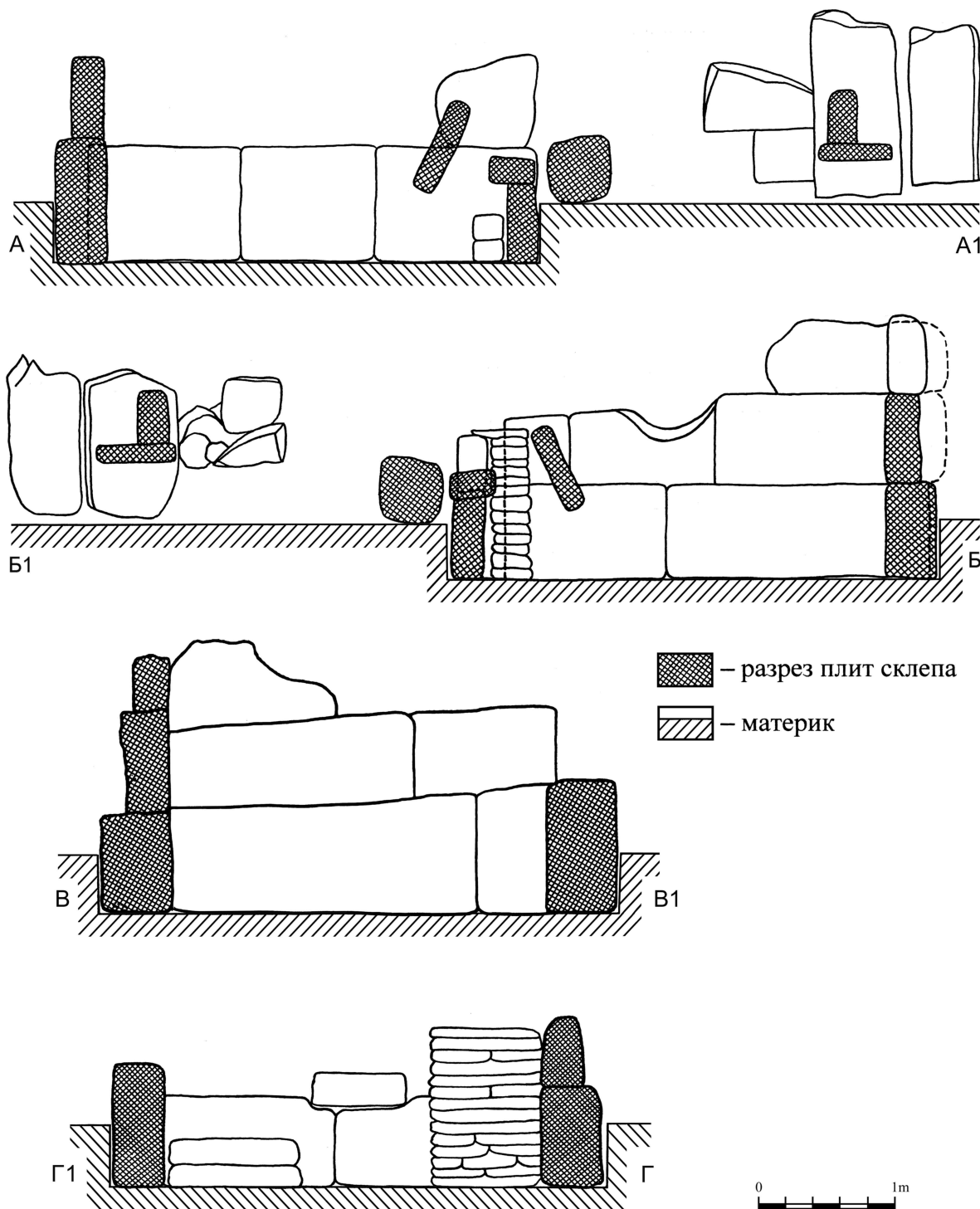

Рис.3

Курган у с. Кринички. Разрезы склепа.

Подвесные "шаровидные" курильницы являются одним из наиболее ярких признаков позднескифской культуры. Основная их масса происходит из Неаполя скифского и расположенных близ него памятников (Битакский и Левадковский могильники, курган Черкеса и др.). Отдельные их экземпляры известны также в Северо-Западном Крыму [10, р.4,183; 16, р.1-3]. В восточной же части Крымских Предгорий долгое время, кроме публикуемой, других находок известно не было. Это в значительной степени объясняется слабой изученностью упомянутого региона. Несколько закрывает этот пробел только ритуальный сосуд, найденный сотрудниками Крымской палеолитической экспедиции ИА НАНУ в 1992 г. при осмотре одного из разрушенных современными грабителями курганов близ с. Вишенное Белогорского района. Его тулово цело, покрыто вертикальными врезными линиями; размеры: высота 21 см, диаметр венчика 9,8 см, диаметр тулова 15 см, диаметр ножки 9 см (рис.4,2).

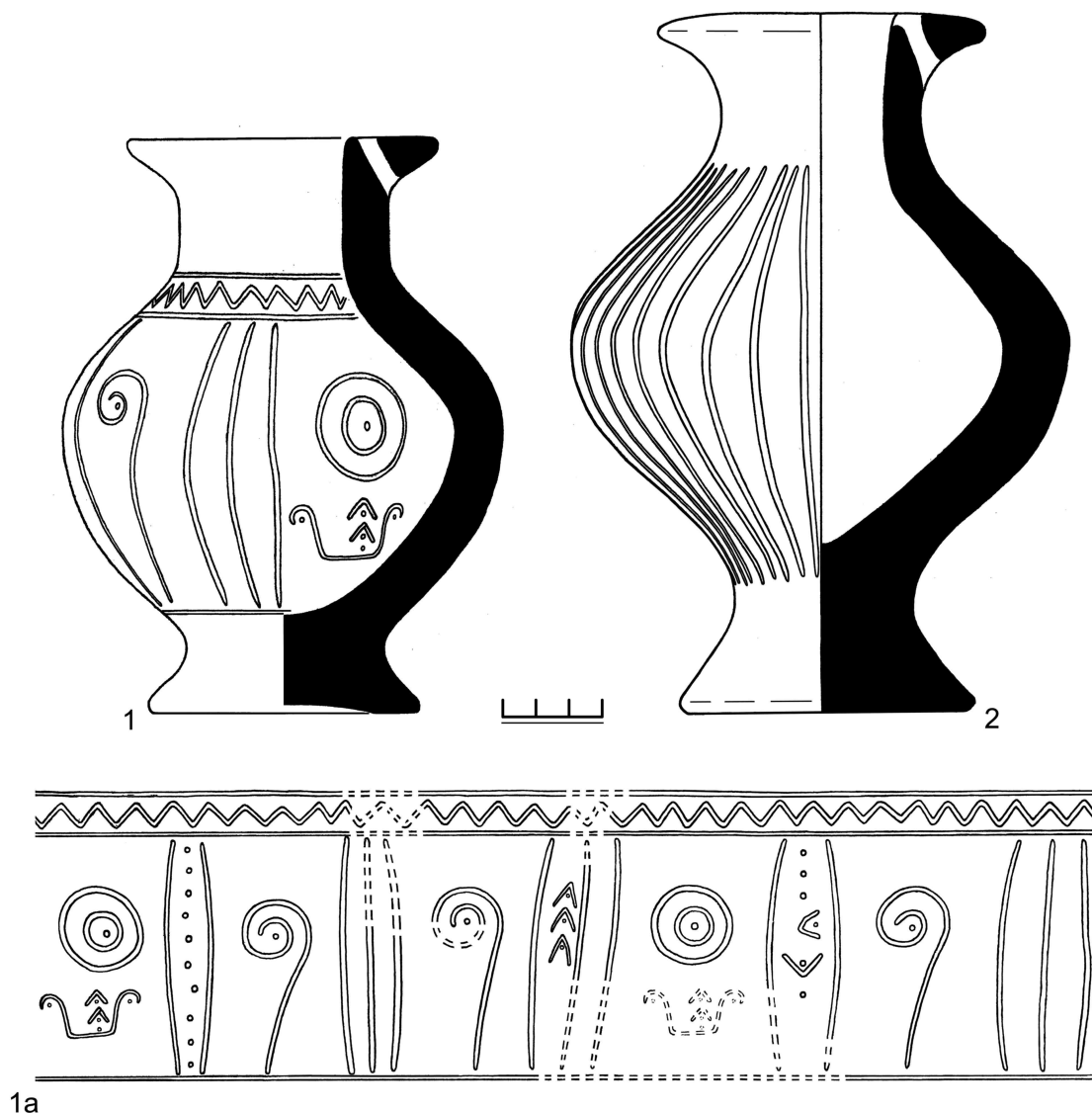

Рис.4

Позднескифские "шаровидные" курильницы. 1 – курган у с. Кринички, 2 – курган у с. Вишенное.

Хронология "шаровидных" курильниц рассмотрена довольно подробно [16, с.18-23; 37, с.182; 40, с.88-91]. Наиболее древние их образцы – неорнаментированные, толстостенные, с конической ножкой, являющейся почти зеркальным отображением верхней части сосуда – обнаружены в самых ранних позднескифских захоронениях, датирующихся не позднее II в. до н.э. С конца этого столетия курильницы постепенно уменьшаются в размере, появляется врезной орнамент и отверстия в стенках. В соответствии с этой схемой курильница из кургана у с. Вишенное, близкая по форме к ранним образцам, относится к концу II – началу I вв. до н.э., тогда как покрытый сложным символическим орнаментом ритуальный сосуд из Криничанского кургана принадлежит к наиболее поздним изделиям этого типа и датируется в пределах I в. до н.э.

Среди других находок из камеры склепа следует упомянуть железный поясной (портупейный) крюк (рис.5,5). Такие изделия типичны для захоронений II – I вв. до н.э. Неапольского, Беляусского, Битакского и других позднескифских могильников [17, с.35, р.62,1-4; 22, с.148, р.5,7-9; 34, с.85, т.XVII]. Известны они и в курганах с "коллективными погребениями" [26, р.6,12; 37, р.10]. Один их конец, обычно круглый в сечении, загнут, другой – всегда расширен и содержит остатки крепления к поясу. Роль крючков в портупейном наборе достоверно не установлена, хотя сама принадлежность к нему сомнений не вызывает.

Близким временем (концом II – I вв. до н.э.) датируются в Крыму и пряжки-сюльгамы [17, с.36, р.63,7; 19, с.138, р.5,12, 7,4]. Редкие на позднескифских памятниках, в публикуемом комплексе они представлены сразу двумя экземплярами. От обоих сохранились только рамки, одна из которых деформирована (рис.5,6,10).

Бронзовая одночленная фибула с подвязным приемником и четырехвитковой пружинной с верхней тетивой имеет узкую нераскованную ножку, равную по ширине корпусу. Ее длина 7 см (рис.5,7). В фундаментальном своде А.К. Амброза такие застёжки отнесены к первому, наиболее раннему, варианту лучковых подвязных фибул (группа 15, серии I) и датированы первой половиной I в. н.э. [4, с.48]. Но уже вскоре по-

сле выхода в свет упомянутой работы возникли предположения о появлении таких украшений еще до рубежа н.э. – в конце или второй половине I в. до н.э. [30, с.205; 35, с.151]. Дальнейшее развитие эти идеи получили в статьях Ю.П. Зайцева и В.И. Мордвинцевой, которые удревели время возникновения фибул подвязной конструкции до второй половины – конца II в. до н.э. и предположили их длительное сосуществование (не менее 40-50 лет) с застежками среднелатенской схемы [20, с.166; 22, с.152; 23, с.181-182, р.7]. Однако этой гипотезе противоречит массовый археологический материал. В хорошо стратифицированных позднескифских погребальных сооружениях с многократными захоронениями, в которых были встречены застежки обоих типов, фибулы среднелатенской схемы либо сопровождали более ранние погребения, нежели подвязные фибулы (склеп 2 Кульчукского могильника, склепы 50, 71 и 141 Беляусского некрополя, мавзолее Неаполя скифского, склеп 124 Битакского могильника и т.д.), либо находились вместе с ними среди смешанных костей сразу нескольких захоронений (склеп 390 Усть-Альминского некрополя, склеп 105 Битакского могильника). Известны также их единичные совместные находки в закрытых комплексах [13, с.134-142]. Но, несмотря на огромное количество исследованных на сегодняшний день могил, стратиграфических случаев, когда лучковые фибулы предшествовали бы "среднелатенским", до сих пор не известно. Этот факт несомненно свидетельствует о довольно быстром замещении одного типа застежек другим и широко распространении фибул подвязной конструкции уже после выхода из употребления образцов среднелатенской схемы. А поскольку бытование последних в I в. до н.э. сомнения не вызывает [4, с.19-21; 30, с.199-201]², можно предположить, что и лучковые фибулы появились не ранее конца этого столетия.

Гораздо менее информативны другие находки: два железных ножа с горбатыми спинками (рис.5,2-3), железная скоба – крепление деревянной конструкции (рис.5,1), бронзовая пластинчатая бляшка (рис.5,8), бронзовое проволочное кольцо с одним уплощенным концом (рис.5,9) и три глиняных пряслица биконической, цилиндрической и сферической формы (рис.6,33-35). Эти предметы, обычные для захоронений многих культур, бытовали длительный период времени, практически не изменяясь. Лишь бронзовое кольцо, по форме напоминающее широко известные украшения с зооморфными окончаниями, указывает на более или менее узкие хронологические рамки (IV в. до н.э. – III в. н.э.).

Найденные в склепе бусы принадлежат к следующим типам: округлая из глухого синего стекла с семью сине-белыми глазками (тип 66е³) (рис.6,2), аналогичная, но с пятью глазками (рис.6,1), округлая поперечносжатая из глухого бирюзового стекла с семью сине-белыми глазками (тип 65а) (рис.6,3), подобные из глухого белого стекла с тремя сине-зелеными глазками (рис.6,4), округлая из глухого светло-зеленого стекла с тремя желто-синими глазками (тип 29е) (рис.6,5), округлая из глухого черного стекла с поперечными волнистыми линиями неопределенного цвета (рис.6,6), цилиндрическая из того же материала с бирюзовыми фестонами (тип 271в) (рис.6,7), четырехгранная с изогнутыми ребрами из прозрачного синего стекла (рис.6,9), яйцевидная из глухого бирюзового стекла (тип 41) (рис.6,10), ребристые из прозрачного зеленого стекла (2 экз.) (рис.6,11-12), веретенообразные из прозрачного янтарно-желтого (3 экз.) (рис.6,14) и зеленого (1 экз.) (рис.6,16) стекла, округлые поперечносжатые из прозрачного бесцветного (тип 17, 1 экз.) (рис.6,8), синего (тип 15, 4 экз.) (рис.6,19,22), сизо-зеленого (тип 11, 1 экз.) (рис.6,21) и неопределенного (1 экз.) (рис.6,20) стекла, удлиненные бочонковидные из прозрачного янтарно-желтого (5 экз.) (рис.6,15), глухого белого (тип 20, 1 экз.) (рис.6,30) и грязно-голубого (тип 30, 3 экз.) (рис.6,27) стекла, стрелковидная из прозрачного желтого стекла (тип 165) (рис.6,29), ребристая (тип 10) (рис.6,13), короткоцилиндрическая (тип 5) (рис.6,31) и округлые (тип 1а, 13 экз.) (рис.6,17-18) из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой, янтарная цилиндрическая (тип 7) (рис.6,28), сердоликовая бочонковидная (тип 3б) (рис.6,26), гагатовые усеченная бипирамидальная (тип 57) (рис.6,25) и короткоцилиндрические (тип 27а, 7 экз.) (рис.6,23-24). Их датировки, предложенные Е.М. Алексеевой, довольно разнообразны. Так, если одноцветные стеклянные бусы простых форм, а также сердоликовые, янтарные и гагатовые пронизи и бусы с внутренней металлической прокладкой исследовательница датирует античным периодом в целом (рис.6,8-9,11-28,30-31) [2, с.14,24,29-31,64-66; 3, с.16], то к IV-III вв. до н.э. относит яйцевидные пронизи из бирюзового стекла (рис.6,10) [2, с.66], к III в. до н.э.-II в. н.э. – стеклянные бусы с разноцветными глазками (рис.6,1-5) [1, с.59-61,66-67], к I-II вв. н.э. – цилиндрические пронизи из черного стекла с бирюзовыми фестонами (рис.6,7) и стрелковидные подвески из прозрачного желтого стекла (рис.6,29) [2, с.49,72], а ко II-IV вв. н.э. – бусы с поперечным волнистым орнаментом (рис.6,6) [2, с.39]. Судя по этим датам, складывается впечатление о длительном функционировании нашего склепа. Однако сходные наборы бус мы встречаем и во многих захоронениях, узко датируемых в пределах I в. до н.э. – начала I в. н.э. [см., например: 20, р.5; 22, р.7; 33, р.8].

Найденные близ кургана удила – железные двуколенчатые с прямыми, квадратными в сечении, грызлами. Концы грызл завернуты в кольца, одно из которых утрачено. На сохранившемся кольце подвижно закреплена кольцевая обойма. Перед кольцом, на грызлах – остатки строгой прямой накладки (рис.5,4). Детали уздечного набора – большая редкость в позднескифских захоронениях II – I вв. до н.э. Помимо Криничанского кургана их находки известны только в мавзолее Неаполя скифского [32, р.11,1], склепе 155 Битакского могильника [33, р.7,1] и во впускном погребении (№2) кургана у с. Чистенькое [21, р.4]. Все они разных типов и аналогии публикуемому удилам не составляют.

По-видимому, деталью конской упряжи является также и обнаруженная в перекопанной части насыпи кургана костяная уплощенно-коническая ворварка, украшенная врезным циркульным орнаментом с точка-

² В виде исключения фибулы среднелатенской схемы встречаются даже в комплексах первых веков н.э. [27, с.186-188].

³ Здесь и далее используется типология Е.М. Алексеевой [1; 2; 3].

ми в центре (рис.6,32). Подобные изделия (правда, неорнаментированные) широко использовались в скифских уздечных наборах IV в. до н.э. [см., например: 31, с.120, р.74], но практически отсутствуют в позднеэллинистическое время. В позднескифских захоронениях известна лишь одна такая находка в мавзолее Неаполя скифского [32, с.128, р.35,15]. Возможно, малочисленность костяных ворварок в комплексах II – I вв. до н.э. объясняется угасанием в это время традиции класть в могилу вместе с покойным предметы конского снаряжения.

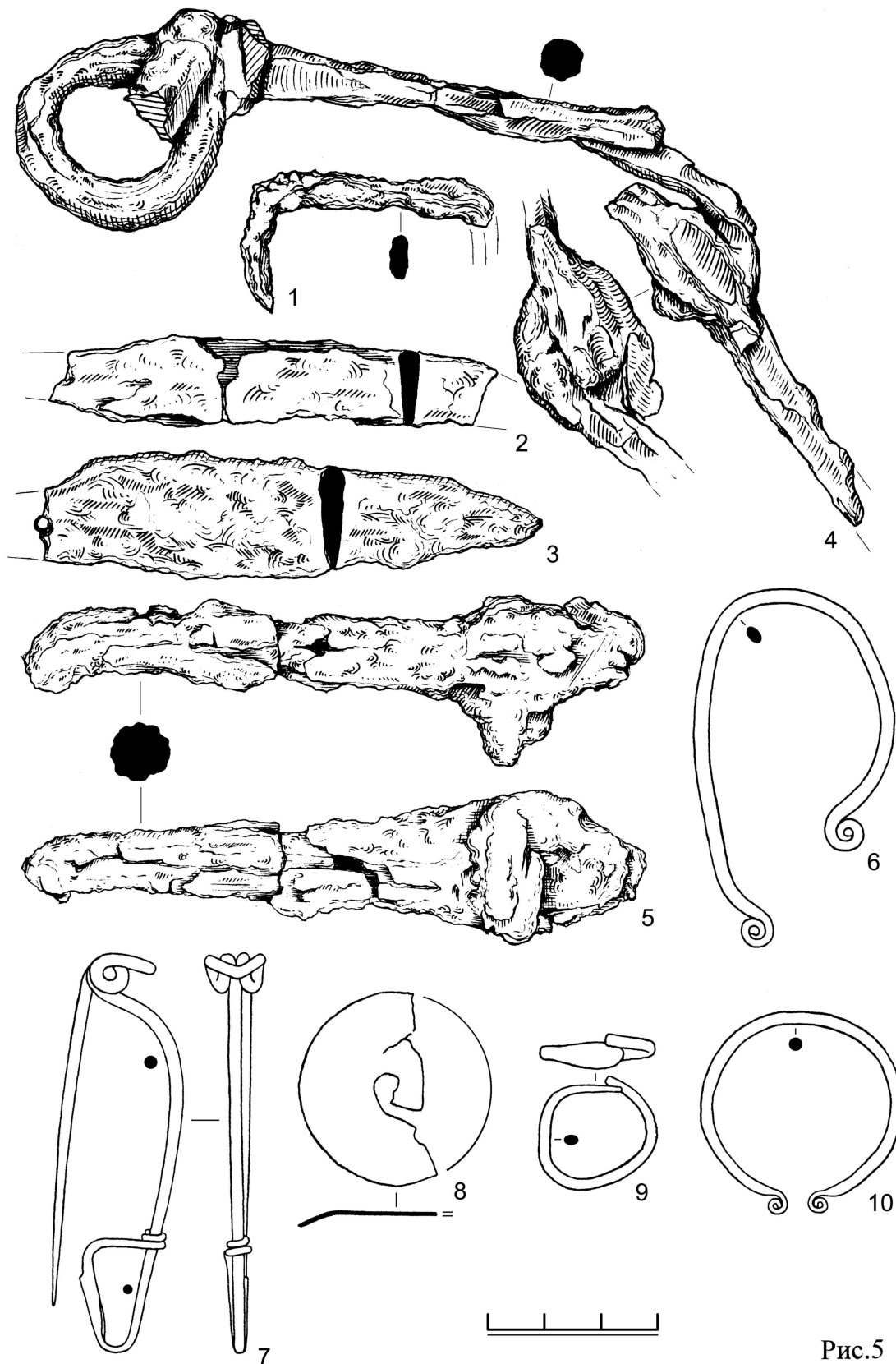

Рис.5

Курган у с. Кринички. Погребальный инвентарь из склепа (1-5 – железо, 6-10 – бронза).

КУРГАН С "КОЛЛЕКТИВНЫМ ПОГРЕБЕНИЕМ" У С. КРИНИЧКИ (по материалам работ 1957 г.)

Таким образом, найденный в склепе погребальный инвентарь укладывается в хронологические рамки конца II – I вв. до н.э. Наиболее поздняя находка – лучковая фибула, свидетельствует об использовании гробницы и в близкое к рубежу н.э. время.

Эти выводы подтверждаются и материалами поминальной тризны – обломками амфор, штампованных рельефных чаш, гончарных и лепных сосудов. Как уже отмечалось, большинство из них обнаружено в дромосе, где они составляли сплошной слой толщиной 0,15 м, а часть найдена среди останков захоронений в камере склепа и перед входом в нее. При этом, ни один из обнаруженных среди костей фрагментов достоверно отнести к инвентарю погребений не удастся, поскольку многие из них (в том числе и некоторые из найденных в камере склепа фрагментов "мегарских" чаш) оказались частями одних и тех же сосудов вместе с обломками, происходящими из слоя тризны в непо потревоженной части дромоса. Здесь следует отметить, что столовая посуда среди инвентаря курганов с "коллективными погребениями" встречается довольно редко [см., например: 26, с.62-70; 37, с.181, р.6,а-г]. Традиция сопровождать усопших заупокойной пищей для строителей этих памятников не характерна.

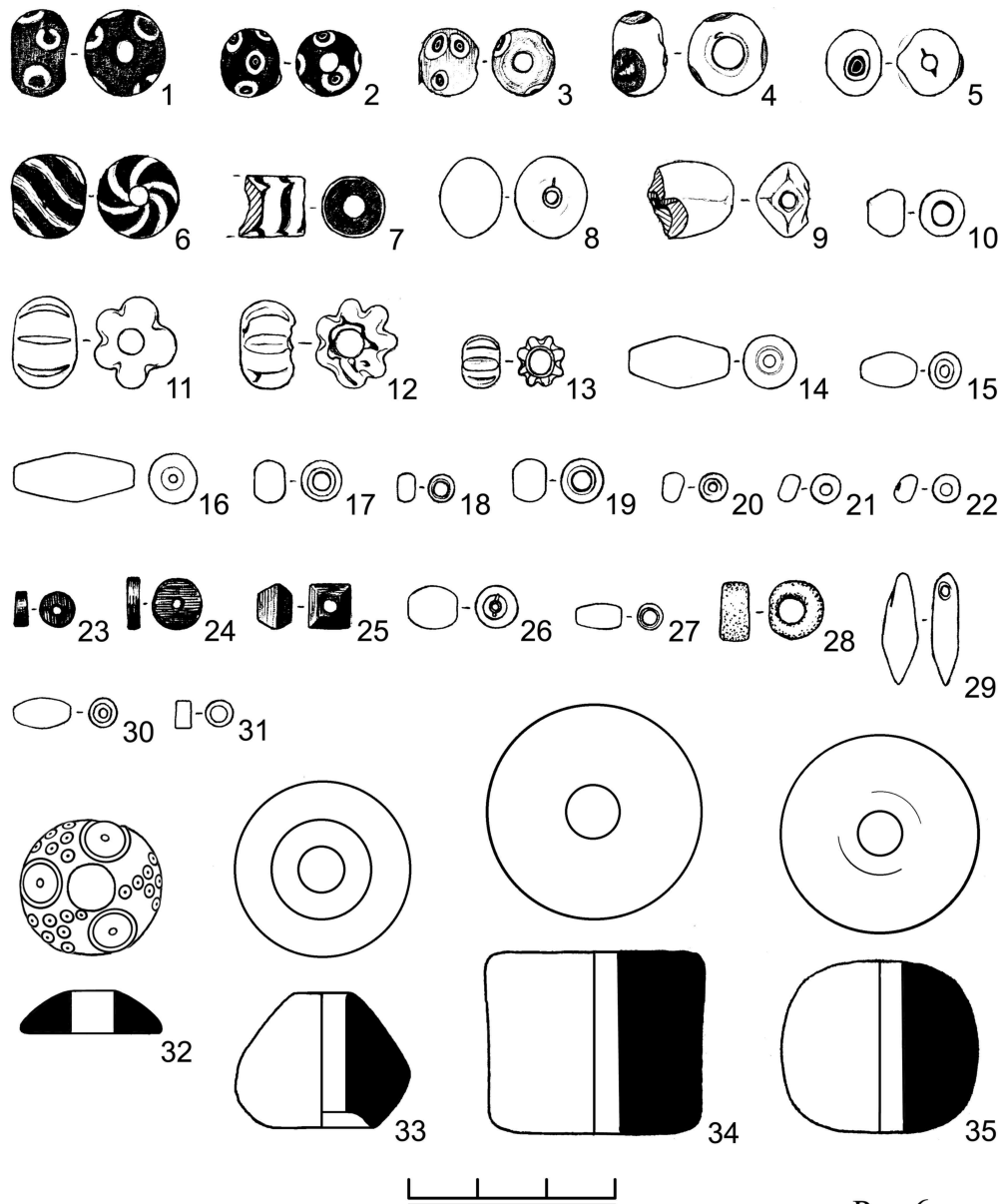

Рис.6

Курган у с. Кринички. Погребальный инвентарь из склепа
(1-22,27,29-31 – стекло, 23-25 – гагат, 26 – сердолик, 28 – янтарь, 32 – кость, 33-35 – глина).

Среди обильного керамического материала из тризны обломки амфор составляют более половины всех находок (рис.9,1-31). По-видимому, все они были изготовлены в шести производственных центрах, из которых уверенно определяются только Синопа (рис.9,1,16-17,25,31), Гераклея (рис.9,7,21) и Родос (рис.9,22). Остальные центры можно лишь в целом охарактеризовать как южнопонтийские. Несколько уступают амфорной таре по количеству фрагменты столовой посуды. Последняя представлена в основном открытыми формами – чашами, мисками и плошками. Находки обломков кувшинов не многочисленны.

Среди столовой посуды безусловно особого внимания заслуживают штампованные рельефные чаши,

широко известные в литературе под названием "мегарских". Всего удалось собрать 13 сосудов, из которых только три представлены целыми формами, остальные – отдельными фрагментами.

Лучше других сохранилась круглодонная чаша, изображенная на рис.7,1. Ее диаметр 13,5 см, высота 6 см. Венчик наклонен вовнутрь. Глина плотная оранжевая, лак густой красного цвета. Стенки сосуда украшены чередующимися поясами из ов, жемчужника и восьмилучевых розеток, разделенными рельефными линиями. Дно сильно фрагментировано, но, судя по сохранившимся частям, оно было украшено 12-ти лепестковой розеткой, вокруг которой лучеобразно располагались перемежающиеся ланцетовидные и ромбидальные листья лотоса и листья аканфа с вершинами, отогнутыми поочередно то вправо, то влево. Изготовление подобных сосудов традиционно приписывают керамическим мастерским о. Делос. Так, в качестве типичного образца делосского производства, Д.Б. Шелов приводит "мегарскую" чашу, происходящую из погребения 67/1956 г. Танаисского некрополя [39, с.224, т.1,1]. Отличие последней от нашего экземпляра заключается только в орнаментации бортика: пояски из жемчужника и восьмилучевых розеток заменены изображением лозы аканфа. Однако в последнее время в литературе появилась и иная точка зрения, согласно которой чаши этой группы изготавливались в Эфесе, а о. Делос был лишь торговым посредником, активно участвовавшим в их распространении [9, с.66].

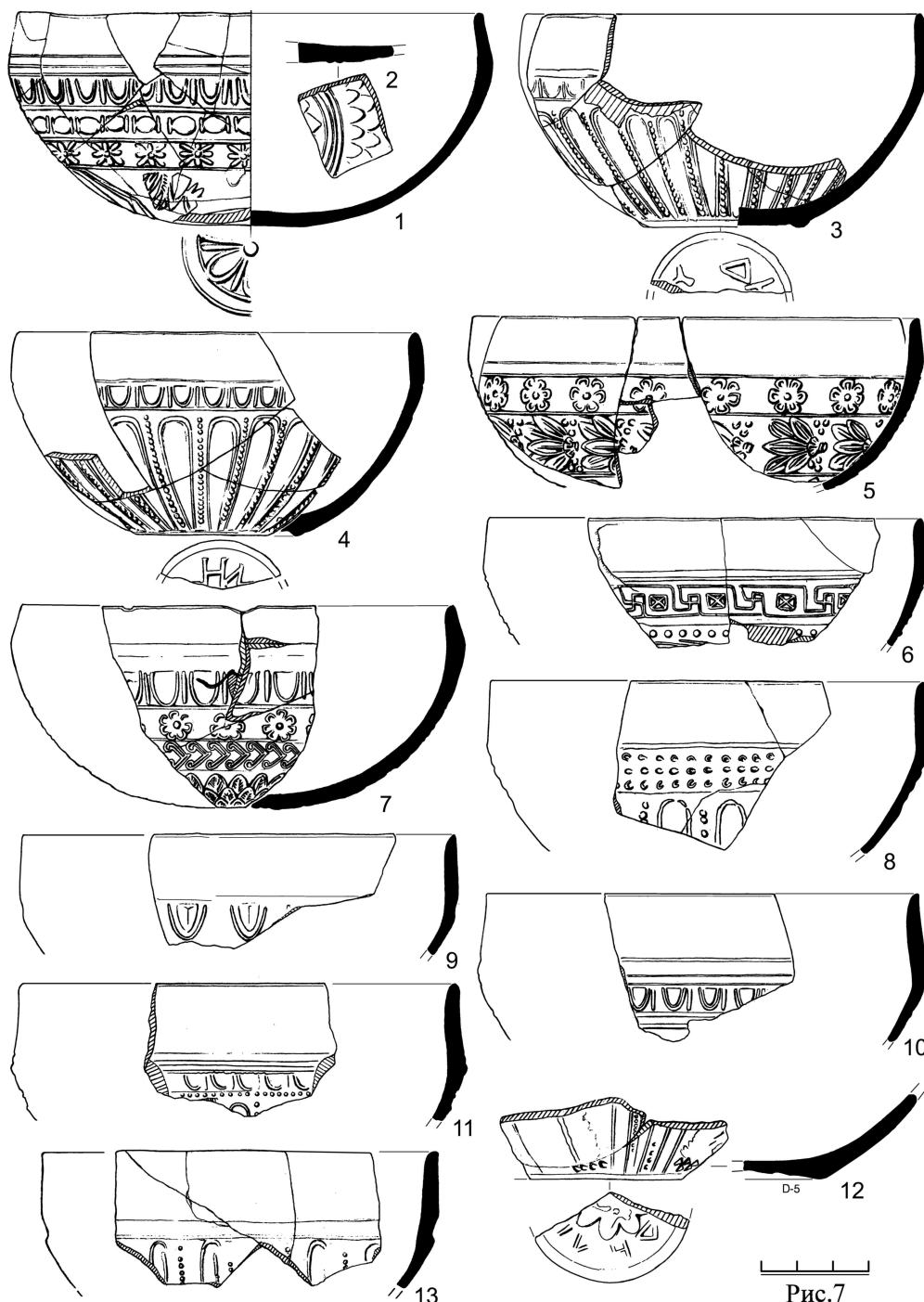

Рис.7

Курган у с. Кринички. "Мегарские" чаши из поминальной тризны.

Судя по цвету глины и качеству лака, идентичным уже описанному сосуду, а также типичным для "делосских" чаш форме и орнаменту, размещенному горизонтальными зонами, этому же производственному центру принадлежат и три других чаши из публикуемого комплекса (рис.7,2,5,7). Диаметр первой из них 12,6 см, высота 5,8 см. Стенки украшены тремя орнаментальными поясами, разделенными рельефными линиями. Под поясом из ов идет пояс розеток, ниже – полоса плетенки. На дне – несохранившаяся розетка, окруженная двумя рельефными линиями и "чешуйчатым" орнаментом из крупных листочков (рис.7,7). От другой чаши, диаметром 12,7 см, остались только фрагменты венчика и стенки. Украшение сосуда также составляли пояса растительных узоров, разделенные рельефными линиями: под полосой из шестилепестковых розеток шел пояс из лавровых веточек, между которыми располагались группы по три рельефные точки; нижний орнаментальный пояс не сохранился (рис.7,5). О третьей чаше можно судить только по обломку донца, украшенному окруженной двумя рельефными линиями розеткой и "чешуйчатым" орнаментом из мелких листочков (рис.7,2).

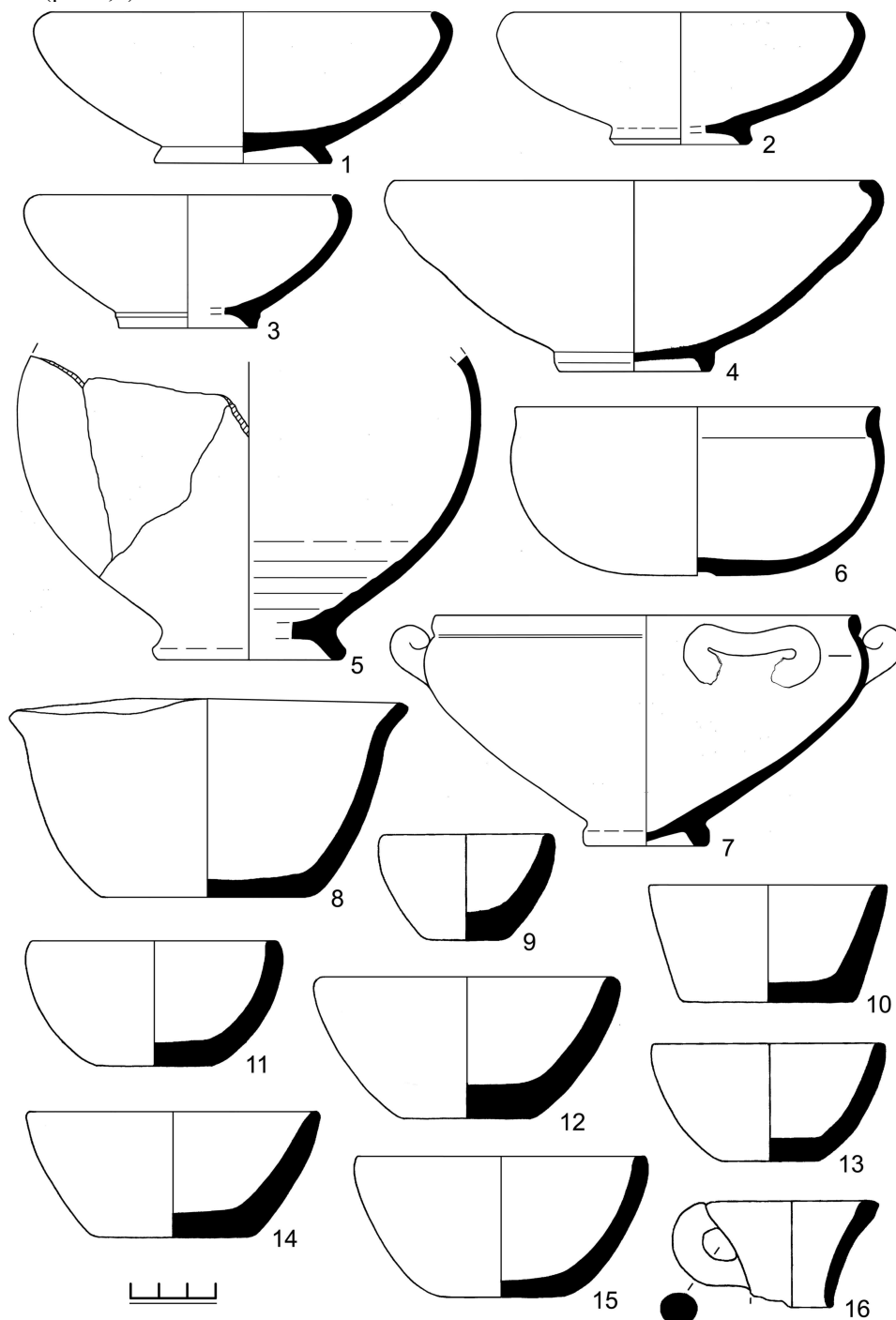

Рис.8

Курган у с. Кринички. Гончарные (1-7) и лепные (8-16) сосуды из поминальной тризны.

По-видимому, к "делосской" группе относятся и две тонкостенные чаши, изготовленные из плотной голубовато-серой глины и покрытые тусклым черным лаком. Одна из них, диаметром 12,2 см, под венчиком украшена поясом из крупных ов (рис.7,9). Орнамент другой состоит из длинных обрамленных рельефными точками язычков, выше которых находится полоса из трехлепестковых полурозетт. Диаметр сосуда 12,3 см (рис.7,8).

Чаши, сделанные из хорошо обработанной изобилующей слюдой глиняной массы, покрытые красным лаком хорошего качества, обычно относят к одному из малоазийских или островных производственных центров [28, с.199; 39, с.228-229]. В кургане у с. Кринички был обнаружен лишь один такой экземпляр – сильно фрагментированная чаша диаметром 12,4 см. Ее глина красно-оранжевая с большим количеством блесток слюды, лак густой красновато-бурый. Венчик сосуда слегка загнут вовнутрь и отделен от тулова небольшим рельефным валиком. Стенки под венчиком украшены полосой меандра, ниже расположен пояс из рельефных точек (рис.7,6).

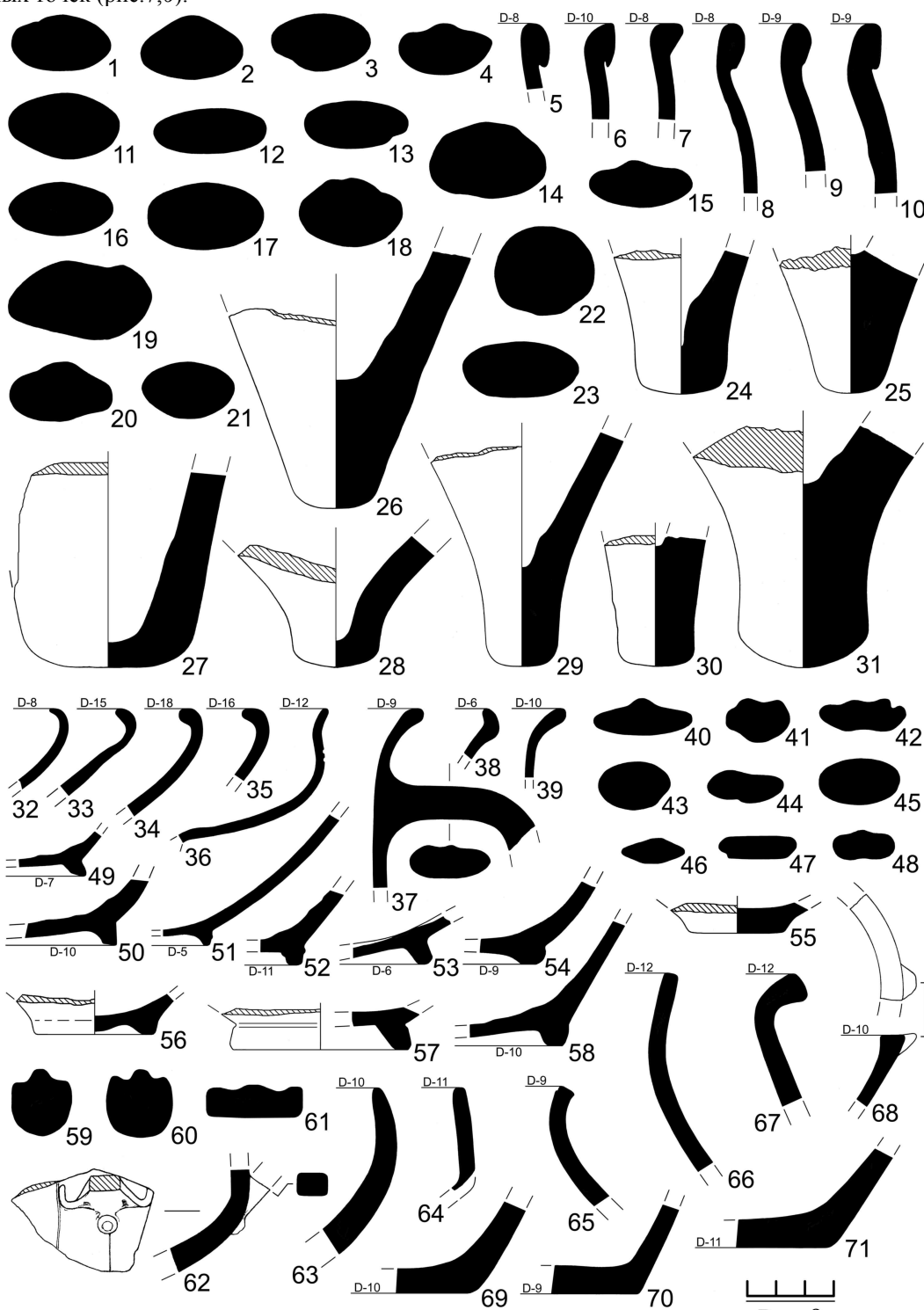

Рис.9

Курган у с. Кринички.
Фрагменты амфор (1-31), гончарных (32-58) и лепных (59-71) сосудов из поминальной тризны.

Сразу тремя экземплярами в тризне представлены "мегарские" чаши с клеймом боспорского мастера Деметрия (ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ) [6, с.176; 28, с.205]. Две из них принадлежат к одному типу и лишь незначительно отличаются друг от друга размерами: диаметр одной 11,4 см, высота 5,9 см (рис.7,3), диаметр другой 11,5 см, высота 5,7 см (рис.7,4). Глина первой кирпично-красная, у второй – также красная, но с незначительным сероватым оттенком. Какие-либо следы лака или обмазки отсутствуют. Венчики сосудов отогнуты внутрь. Стенки украшены длинными язычками, разделенными между собой точечными линиями. Выше них – пояс из ов, очерченный рельефными полосами. Донце с клеймом на невысоком кольцевом поддоне. У первой чаши сохранились только две первые и последняя буквы имени (ΔΗ-----Υ), у второй – лишь вторая и третья (-ΗΜ-----). Третья чаша относится к другому широко известному типу. Это сосуды со слегка загнутым внутрь бортиком на невысоком кольцевом поддоне. В центре донца восьмилепестковая розетка, вокруг которой располагается надпись ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ. От донца расходятся и поднимаются вверх ряды длинных язычков, разделенных цепочками точек, перемежающиеся более или менее пышными растительными мотивами. Выше них, под венчиком, расположен пояс ов [6, р.62,5; 28, р.5,2, 6,3; 39, т.1,71]. Публикуемый образец, представленный фрагментом нижней части сосуда, сделан из коричневатой глины. В имени на его донце отчетливо читаются только первые две буквы, последующие – сильно затерты (рис.7,12).

Еще три рельефные чаши из публикуемого комплекса имели диаметры 12,5 (рис.7,10), 12,7 (рис.7,11) и 11 (рис.7,13) см и были сделаны из серой глиняной массы с мелкими известковыми включениями. Отсутствие какой-либо обмазки и простота покрывающих их узоров – ряды ов, рельефных точек и длинных язычков, в целом повторяющие орнаментальные мотивы чаш с клеймом Деметрия – также типичны для изделий боспорского производства [28, с.205; 39, с.235].

Формы гончарной посуды из поминальной тризны особым разнообразием не отличаются. Большинство из них принадлежит простым красноглиняным и краснолаковым мискам с загнутым внутрь краем на невысоком кольцевом поддоне. Четыре сосуда удалось собрать почти полностью (рис.8,1-4). Еще несколько представлены отдельными фрагментами (рис.9,32-35,51,53). Их размеры: высота 4,5-7 см, диаметр венчика 8-18 см, диаметр поддона 4,8-6,5 см.

Кроме мисок в слое тризны обнаружены и гончарные чаши. Две из них сильно фрагментированы, но сохранившиеся части позволяют полностью восстановить их форму. Первая – светлоглиняная, изнутри целиком и частично снаружи покрыта хорошим красным лаком. Тулово сосуда коническое, с плавно наклоненным внутрь бортиком; утолщенный венчик подчеркнут врезной линией. К бортику симметрично прикреплены две горизонтальные ручки, с прижатой к нему средней частью. Дно на узком кольцевом поддоне. Размеры сосуда: высота 8,2 см, диаметр венчика 15 см, диаметр поддона 4,3 см (рис.8,7). Вторая чаша красноглиняная плоскодонная, с небольшим круглым вдавлением на внешней стороне дна и выделенным изнутри утолщенным венчиком; размеры: высота 6 см, диаметр венчика 13 см (рис.8,6). Еще несколько чаш представлены отдельными фрагментами (рис.9,36,55-57), из которых только один позволяет описать сосуд более или менее полно. Это красноглиняная, пережженная при обжиге чашка, частично покрытая тусклым бурым лаком. Венчик отогнут наружу, стенки украшены двумя горизонтальными врезными линиями. Дно не сохранилось (рис.9,36). Несколько целых образцов подобной формы происходят из могил конца II – I вв. до н.э. Беляусского некрополя [18, с.93, р.4,2].

Меньшим количеством фрагментов в тризне представлены гончарные кувшины. От одного из них почти полностью сохранилось округлое тулово (рис.8,5), позволяющее предположительно реконструировать сосуд, как небольшой кувшинчик с относительно высоким узким горлом. Но большинство найденных обломков принадлежит крупным красноглиняным кувшинам на широком кольцевом поддоне с овальными или уплощенными ручками (рис.9,37-50,52,54,58).

Среди лепной посуды безраздельно господствуют простые чашки и плошки близкой к полусферической и усеченно-конической формы (рис.8,8-15). Один экземпляр снабжен круглой в сечении петельчатой ручкой (рис.8,16). Дно сосуда не сохранилось или же его не было вовсе. В последнем случае перед нами любопытный образец миниатюрной воронки.

Небольшой чернолощеной мисочке принадлежит фрагмент венчика, украшенного по краю зубцевидным налепом (рис.9,68). Двумя фрагментами представлены лепные чашки, по форме повторяющие краснолаковую посуду (рис.9,63-64). Несколько обломков относится к небольшим горшкам (рис.9,65-67,69-71). Кроме того, найдены части трех коротких профилированных ручек (рис.9,59-61), крепившихся к большим корчагообразным сосудам или кувшинам.

Особо следует отметить фрагмент стенки лепного кувшинчика с нижним прилепом прямоугольной в сечении ручки. Ее основание украшено двумя симметрично расположенными серповидными налепами. Еще один налеп – шишечка – расположен непосредственно под ручкой. Ниже его на стенке сохранилась вертикальная врезная линия. Другая такая же линия нанесена параллельно первой, вдоль края одного из серповидных налепов (рис.9,62).

Среди находок из поминального комплекса самые надежные датировки имеют рельефные "мегарские" чаши. По последним хронологическим разработкам их массовое поступление на северопричерноморские рынки сбыта началось не ранее второй четверти II в. до н.э., а пик импорта пришелся на вторую половину этого столетия [25, с.12-14]. В самом конце II в. до н.э. изготовление рельефной керамики было налажено и на Боспоре [9, с.71]. И хотя производство "мегарских" чаш в целом и ограничивают началом – первой четвертью I в. до н.э. [9, с.71,74; 25, с.14], в Северном Причерноморье они продолжали бытовать на протяжении большей части этого столетия, в отдельных случаях доживая даже до его конца [см., например: 8, с.9-19]. Образцы из нашей коллекции (шесть из которых боспорского производства) относятся к наиболее

поздним формам "мегарских" чаш и, по-видимому, датируются временем не ранее конца II в. до н.э. Ко второй половине II в. до н.э. можно было бы отнести только некоторые чаши "делосской" группы (например, экземпляр с украшенным 12-лепестковой розеткой дном), однако и они часто встречаются в комплексах конца II – первой половины I вв. до н.э. [9, с.66-69].

Гончарные чаши, копирующие форму "мегарских" сосудов (рис.8,6 и 9,36), обычно датируют I в. до н.э. [18, с.93; 19, с.131]. В близкое время бытовали и краснолаковые чаши с прижатыми к бортику ручками (рис.8,7) [24, с.248-249]. Не ранее конца II в. до н.э. появляются краснолаковые миски с загнутым внутрь краем (рис.8,1-4), широко использовавшиеся в I в. до н.э. – III в. н.э. [19, с.131]. Кроме того, следует отметить полное отсутствие в тризне обломков простой чернолаковой посуды и изделий, типичных для римского времени (тарелок и чашек с вертикальным бортиком, сосудов с барботинным орнаментом и т.д.), что также свидетельствует о формировании комплекса в период между концом II в. до н.э. и началом I в. н.э.

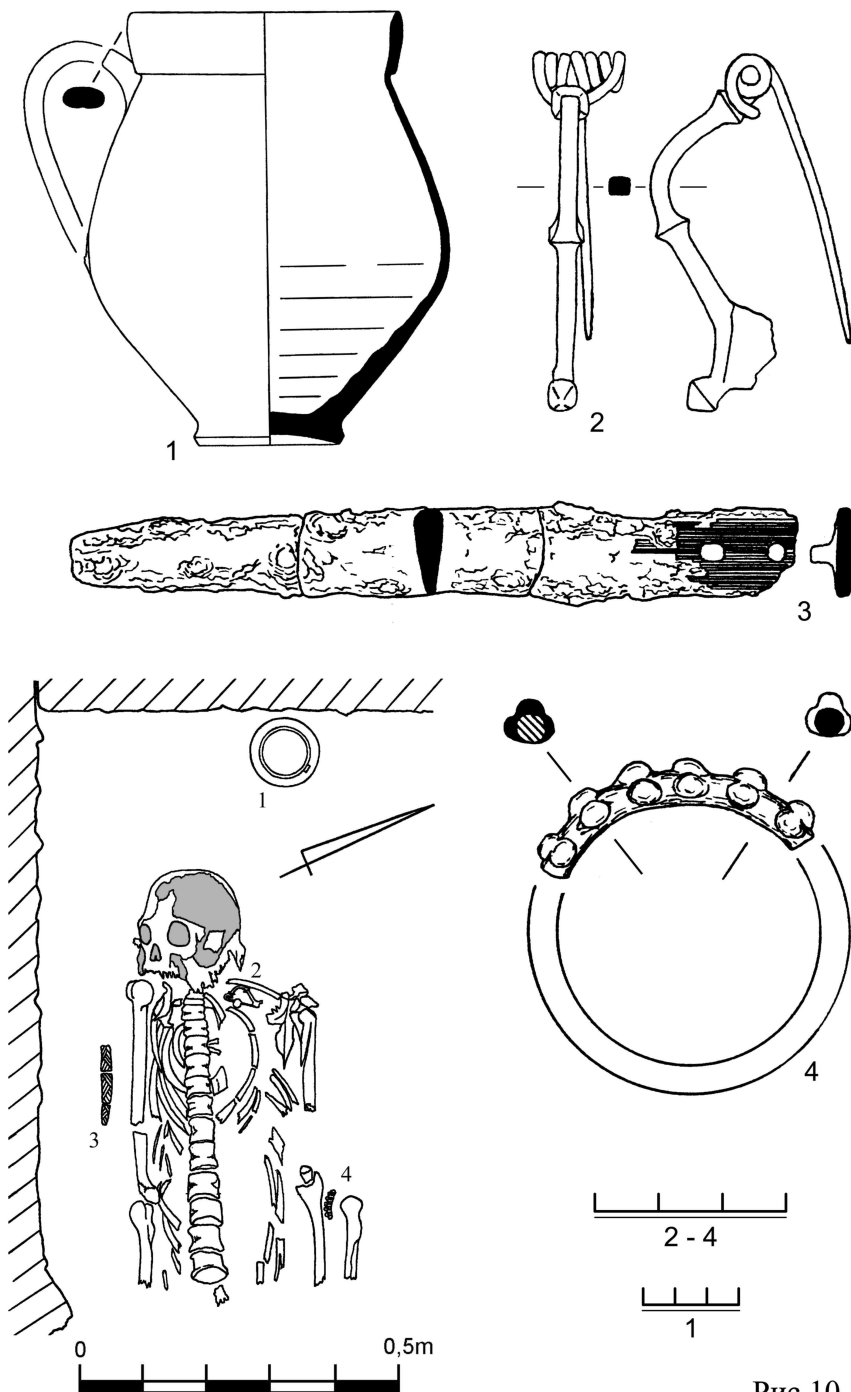

Рис.10

Курган у с. Кринички.
 План и инвентарь впускного погребения
 (1 – красноглиняный кубок, 2 – бронзовая фибула, 3 – железный нож, 4 – обломок бронзового кольца).

Остальной керамический материал – части амфор, гончарных кувшинов и лепной посуды – в целом не противоречит этой дате. Несколько выбивается из нее только фрагмент лепного кувшинчика, украшенного врезными линиями и серповидными налестками у основания ручки (рис.9,62). Горшки и кувшины с такими налестками известны в слоях поселений II-III вв. н.э. [17, с.17, т.15,6] и в более раннее время до сих пор не встречались. Не исключено, что и этот обломок не связан с поминальной тризной и попал в комплекс случайно.

Уже после ограбления склепа и обрушения перекрытия в его засыпь было введено новое захоронение. Форму погребального сооружения проследить не удалось. Погребение мальчика-подростка располагалось вдоль южной стены склепа на глубине 0,8 м от вершины кургана и было вытянуто на спине головой на ЗСЗ; нижняя часть скелета разрушена артиллерийским окопом (рис.10). При покойном обнаружен следующий инвентарь: за головой, у западной стены склепа, находился красноглиняный кубок (рис.10,1), на левом плече – бронзовая фибула (рис.10,2) с надетой на иглу стеклянной бусиной (не сохранилась), вдоль правой руки – железный нож (рис.10,3), у левого локтя – обломок бронзового кольца (рис.10,4).

Гончарный красноглиняный кубок с вытянутым туловом на узком кольцевом поддоне снабжен высоким прямым бортиком с чуть утолщенным венчиком. Овальная в сечении ручка утрачена в древности. Размеры сосуда: высота 13,5 см, диаметр венчика 8,4 см, диаметр поддона 4,7 см (рис.10,1). Кубки подобной формы в Северном Причерноморье не многочисленны и встречаются исключительно в комплексах I-II вв. н.э. [см., например: 15, р.3,34,5,30,49,9,54].

Бронзовая профилированная фибула (рис.10,2) с подквадратной в сечении дужкой и семивитковой пружиной с нижней тетивой, длиной 5,6 см, относится к первому варианту II серии боспорских сильнопрофилированных фибул (группа 11) по классификации А.К. Амброза и датируется II в. н.э. [4, с.42].

Железный нож с прямой спинкой имел на черенке следы деревянной ручки, крепившейся к нему двумя заклепками. Его длина 11,4 см (рис.10,3). Как уже отмечалось, железные ножи встречаются в захоронениях многих культур и хронологическим признаком не являются.

Фрагмент разломанного в древности бронзового кольца, украшенного по ободу тремя рядами равномерно расположенных шишечек, возможно, находился в небольшом кожаном мешочке. Длина обломка 4,3 см (рис.10,4). Считается, что подобные изделия служили исключительно в ритуальных или магических целях [7, с.50; 11, с.111; 14, с.42].

Таким образом, перекрывавшее склеп впускное погребение по сопровождавшим его вещам датируется II в. н.э. и свидетельством о полном запустении памятника в римское время.

Курганы с "коллективными погребениями" традиционно рассматривают как составной элемент позднескифской археологической культуры [17, с.23-24; 23, с.179; 26, с.59]. Такой подход основывается на: близком расположении этих объектов к классическим позднескифским памятникам; типичном как для курганов, так и для грунтовых могил, коллективном обряде погребения; сходстве наборов погребального инвентаря. Вместе с тем, от позднескифских грунтовых некрополей курганы отличает и целый ряд специфических признаков: тип сооружения – перекрытый насыпью каменный склеп; особенности погребального обряда – большее, нежели в грунтовых могилах, количество погребенных, бедность сопровождавшего их инвентаря, практически полное отсутствие столовой посуды и т.д.; несколько более ранняя датировка многих комплексов по сравнению с грунтовыми могильниками.

В поисках истоков подобных погребальных традиций у населения Предгорного Крыма следует обратить внимание на подкурганные захоронения предшествующего времени из восточных районов полуострова, где в конце V – начале III вв. до н.э. широко использовались каменные конструкции и коллективный обряд погребения. Небольшие гробницы, сооруженные из бутового камня или вертикально поставленных плит известняка, известны на Керченском полуострове повсеместно [5; 29; 41]. Так, очень близок публикуемому склеп из кургана 12 у пос. Ленино, сложенный из монументальных каменных плит-блоков [41, с.159-160, р.15]. Еще ближе к нему по размерам и планировке каменно-сырцовый склеп из кургана, раскопанного в 1997 г. экспедицией Государственного Эрмитажа на южной окраине с Кринички, в 2 км от публикуемого комплекса [12, с.27-29, р.2]. Этот объект, содержащий останки более 30 человек и небогатый инвентарь IV в. до н.э., так же имел большую подтрапецевидную в плане камеру (3x3,4 м) с расположенным к востоку от нее дромосом. Отличие заключается лишь в строительном материале – вместо известняковых блоков для сооружения стен были использованы сырцовые кирпичи, составленные на каменном цоколе.

Вполне понятно, что на ограниченном материале нескольких курганов преждевременно строить какие бы то ни было этнические реконструкции. Однако близкое сходство изученных у с. Кринички памятников позволяет выдвинуть гипотезу о культурной преемственности оставившего их населения. Опровергнуть или подтвердить это предположение смогут только дальнейшие полевые исследования.

Источники и литература

1. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. – САИ. Вып. Г1-12. – М., 1975.
2. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. – САИ. Вып. Г1-12. – М., 1978.
3. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. – САИ. Вып. Г1-12. – М., 1982.
4. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. – САИ. Вып. Д1-30. – М., 1966.
5. Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. – Киев, 1988.
6. Блаватский В.Д. О производстве «мегарских» чаш в Пантикапее // КСИА. Вып. 75– М., 1959.
7. Богданова Н.А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 70. – М., 1989.

8. Власкин М.В. Раннесарматские погребения могильника Северо-Западный I.// Сарматы и их соседи на Нижнем Дону. Материалы по археологии Дона. Вып.1. – Ростов-на-Дону, 2000.
9. Внуков С.Ю., Коваленко С.А. Мегарские чаши с городища Кара-Тобе.// Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Труды ГИМ. Вып.102. – М., 1998.
10. Внуков С.Ю., Лагутин А.Б. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму.// Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып.118. – М., 2001.
11. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. – Киев, 1994.
12. Гаврилов А.В., Крамаровский М.Г. Курган у села Кринички в Юго-Восточном Крыму // Боспорские исследования. Вып.1. – Симферополь, 2001.
13. Гей О.А., Бажан И.А. К вопросу о времени возникновения позднескифской культуры по материалам могильника у с. Красный Маяк // Проблемы скифо-сарматской археологии. – М., 1990.
14. Гущина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников).// Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1974.
15. Гущина И.И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н.э.// Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып.54. – М., 1982.
16. Дашевская О.Д. О скифских курильницах // СА. –1980. – №1.
17. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. САИ. Вып. – Д1-7. – М., 1991.
18. Дашевская О.Д. Земляной склеп №39 в Беляуском некрополе // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып.118. – М., 2001.
19. Дашевская О.Д., Михлин Б.Ю. Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника // СА. – 1983. – №3.
20. Зайцев Ю.П. Склеп № 390 Усть-Альминского позднескифского некрополя // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып.1. – Симферополь, 1997.
21. Зайцев Ю.П., Колтухов С.Г. Погребение воина эллинистического времени в Предгорном Крыму // Археология Крыма. – 1997. – №2.
22. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода // РА. – 2003. – №2.
23. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Варварские погребения Крыма II в. до н.э. – I в. н.э.// Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Материалы V Международной конференции "Проблемы сарматской археологии и истории". – Краснодар, 2004.
24. Зубарь В.М., Кубышев А.И. Погребальные комплексы рубежа н.э. из Нижнего Поднепровья // СА. – 1987. – №4.
25. Коваленко С.А. К истории изучения позднеэллинистической штампованной рельефной керамики в России.// Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Труды ГИМ. Вып.102. – М., 1998.
26. Колтухов С.Г. О крымских курганах с «коллективными погребениями».// Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып.118. – М., 2001.
27. Кропотов В.В. Погребение с фибулой среднелатенской схемы из могильника Нейзац.// Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып.2. – Симферополь, 2001.
28. Лосева Н.М. Об импорте и местном производстве «мегарских» чаш на Боспоре.// МИА. №103. – М., 1962.
29. Масленников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма (к истории сельского населения Европейского Боспора VI – I вв. до н.э.) // Боспорский сборник. Вып.8. – М., 1995.
30. Михлин Б.Ю. Фибулы Беляусского могильника // СА. – 1980. – №3.
31. Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водина и Соболева могилы). – Киев, 2005.
32. Погребова Н.Н. Погребения в Мавзолее Неаполя Скифского// МИА.– №96. – М., 1961.
33. Пуздровский А.Е. Грунтовый склеп рубежа н.э. из окрестностей Неаполя скифского // Северное Причерноморье в античное время. – Киев, 2002.
34. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). – Киев, 1983.
35. Трейстер М.Ю. Фибулы из Горгиппии.// Горгиппия. Вып.П. –Краснодар, 1982.
36. Троицкая Т.Н. Скифские курганы Крыма.// Известия Крымского отдела Географического общества СССР. Вып.1. – Симферополь, 1951.
37. Троицкая Т.Н. Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее.// История и археология древнего Крыма. – Киев, 1957.
38. Храпунов И.Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Таври. Скифы. Сарматы. – Симферополь, 1995.
39. Шелов Д.Б. Находки в Танаисе «мегарских» чаш.// Античные древности Подонья-Приазовья. МИА. № 154. – М., 1969.
40. Яковенко Е.В. Про кулясті курильниці IV – I ст. до н.э.// Археологія. – 1971. – №2.
41. Яковенко Э.В., Черненко Е.В., Корпусова В.Н. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма.// Древности Восточного Крыма. – Киев, 1970.